когда через прорубь могучим потоком уходит обратно в Дон фонтанирующая вода, в этом месте крутит воловерть, девятая вода, отлетая розовыми струями, вспенивая дно, и все лето на многосаженной глубине держатся сазаны, прибиваясь к близкому от прорубя брегу, навалженному с берега.

К полынье, к левому ее краю и направился Мелеховский Ковыль слепой своей тропой. Оставалось до нее саженей двадцать, когда Пантелей Прокофьевич заворотился, чуть приоткрыл глаз. С черного неба глядели ему под воротник желто-зеленые невызревшие черешни звезд. „Ночь" — туманно сообразил Пантелей Прокофьевич, и отчетливо дернул вожжи:

— Но-но!.. Вот я тебе, хреновина старая!

Ковыль потрусил рысью. Запах недалекой воды ударил ему в ноздри. Он сторожко поставил уши, чуть покосил в сторону хозяина слепыми недоумевающими глазами. До слуха ее вдруг долетал плеск близкой воды. Пугливо всхрапнув она крутнулась в сторону, попятилась. Передними ногами в мягко хрустнул истонченный из-под испода лед, отвалился окаменелой краюхой. Ковыль заскреб смерзшимися натруженными храпом. Изо всей силы она упиралась задними ногами, но передние уже провалились было в воду, под переступавшими задними ломалось крошево льда. Хрупко ухнув и плеснув лед раздался. Полынья глотнула ковыляющую, она судорожно дернула задней ногой, стукнула по оглобле. В этот-то миг Пантелей Прокофьевич, услышавший недоброе рванул с саней, откатился назад. Он видел как сани, увлекаемые тяжестью ковыля, поднялись дыбом, описав блеснувшие при звездном свете полозья, скользнули в черно-зеленую глубину и вода, перемешанная с кусками льда, мягко зашипела, чуть не долетев до него волной. Задом, с невероятной быстротой отполз Пантелей Прокофьевич и только тогда твердо вскочил на ноги, крикнул:

— Ка-ра-ул, люди добрые!.. У-то-па-ает!..

Хмель из него словно клинком вышибло. Он подбежал к полынье. Остро блестел свежеотломленный лед. Ветер гнал по широкому черному кругу полыньи ключки льда, вместе с ними увлекло вихрем, шелестом, тишина хрупко стояла мертвая. В дальнем хуторе желтыми тенями окна. Искристо ярко горели и трепетно на голубовом небе зеленоватая, как свежепросвеченная, звезда. Ветерок тушил поземкой, она сыпко стелила, мучнистой пылью летела в черное жерло полыньи. А